

— Вы помните момент, когда вам захотелось стать актером?

— Нет, не помню. По-моему, всегда. Я смутно помню себя в пять-шесть лет, и мне кажется, в те годы я видел себя только на сцене.

— Откуда в вас это?

— Понятия не имею! И даже не хочу об этом думать. У меня было совершенно обыкновенное детство. Футбол, школа, нормальная семья, никто из моих предков не играл в театре. Мама работала парикмахершей, отец был техническим работником в лицее. У меня не было знакомых или друзей, которые играли бы на сцене или в кино. Но я точно помню, что к 12 годам твердо решил стать актером. На меня повлияли три вещи. Во-первых, я увидел на сцене Жака Бреля. Это был невероятный шок. Такая мощь, такой талант! И потом — состояние публики. Как он ухитрялся доводить людей до такого накала? Я сказал себе: "Если я смогу добиться хотя бы половины того, что удалось ему..." До сих пор вспоминаю его выступление, особенно когда у меня случаются великие моменты. Понимаю, это звучит хвастливо, но иногда я говорю себе, что мне удастся хотя бы на мгновение опутить то, что ощущал он.

— Вы упоминали о трех вещах. Что было во-вторых и в-третьих?

— Во-вторых, к 15 годам я записался в местную консерваторию в Туре. Конечно, это была не престижная парижская Консерватория, она скромно называлась консерваторией декламации, но мне удалось сделать первый шаг. И однажды одна из преподавателей, мадам Рено сказала мне: "Вы созданы для этого". А в конце года у нас был конкурс, как в настоящей Консерватории, к нам приехали актеры и режиссеры из Парижа. И все они сказали, что мне нужно стать актером! Я заявил родителям, что бросаю школу и еду в Париж. Представляете себе, как они всполошились? В конце концов они поставили условие: я заканчиваю школу, а после выпускных экзаменов делаю все, что мне заблагорассудится.

— И вы согласились?

— А что оставалось делать? Мне было 15 лет. Пришлось еще два года торчать дома. 5 июля я сдал последний экзамен, а утром 7 июля уехал в Париж на попутном грузовике — денег у меня почти не было, приходилось на всем экономить. В Париже мне сказали, что для поступления в Консерваторию нужно пройти подготовку на частных курсах, и посоветовали курсы Симона. Я по наивности решил, что речь идет о Мишеле Симоне! Пришел, а там совсем другой Симон — Рене Симон. У него я прошел суровую школу выживания: он разговаривал с учениками, направив им в лицо прожектор, и все его очень боялись. Я подрабатывал на жизнь в театре Тассанкура на выходных ролях, иногда помогал рабочим сцены. И готовился к конкурсу в Консерваторию.

— Вы с первого раза поступили?

— Представьте себе! Я не сразу понял, как мне повезло: ведь ежегодно набирают всего 12 парней и 12 девушек! А я воспринял прием как нечто само собой разумеющееся: ведь я выбрал себе профессию актера. Я не понимал, что мне может не повезти! Только позже, когда я увидел, как много талантливых людей осталось за бортом, пропало в безвестности, смог осознать свою удачу. Я учился

Успешная карьера в кино и театре — редчайший случай в современном шоу-бизнесе. Французский комик Жак Вильре, который уже более четверти века выступает на сцене и играет перед камерой, сегодня — один из самых популярных французских актеров. Наверняка его лицо давно вам известно, но имя до сих пор знали немногие. Сегодня, после огромного успеха "Обеда придурков", поклонники комедийного жанра вряд ли смогут забыть имя Жака Вильре.

На русском языке о Вильре практически ничего не публиковалось. "ЭС" восполняет пробел и перепечатывает с небольшими сокращениями интервью Жака Вильре, он дал его на съемочной площадке комедии "Муки".

Жак Вильре

Жан-Пьер ЛАВУАНА

в классе Луи Сенье, где у каждого ученика было право на "речь безумца". Он говорил нам: "Дети мои, почему вы в Консерватории? Я выбрал вас не для того, чтобы вы сделали карьеру. Я выбрал вас, чтобы вы могли пережить удивительные приключения!" А еще он говорил: "Самое важное качество актера — хорошее здоровье". Нам было по 18 лет, мы не понимали, о чем речь. Сегодня-то я понимаю, что Сенье был совершенно прав!

— А после Консерватории?

— После Консерватории судьбу мою, как ни странно, определил человек, который не захотел со мной работать: Пьер Дюкс. Он отказался принять меня в труппу Комеди-Франсез, и я пошел в кабаре.

— Дюкс объяснил свой отказ?

— Он сказал, что внешний вид товара не соответствует начинке. Что по виду я типичный простофиля, а по духу комик-рационалист. Я страшно на него обиделся: представьте себе 20-летнего парня, которому светила работа в Комеди-Франсез! Потом я понял, что Дюкс был прав: мне удалось найти себя в комических антрепризах, в прямом контакте с публикой. Это потрясающая школа для молодого актера. Не знаю, что было бы со мной, если бы меня взяли во Франсез. К счастью, в то время в кино многое изменилось, внешность актеров стала не самым главным. В Америке звездами становились такие ребята, как Хоффман и Пачино, у нас тоже стали брать на главные роли отнюдь не красавцев.

— Вы дебютировали в фильме "Ничего не случилось" ровно четверть века тому назад.

— Я всего год проучился в Консерватории, и попал в фильм Ива Буассе, который в то время был одним из самых модных режиссеров. Он взял сразу четверых с нашего курса: Жана-Франсуа Бальмера, Жака Списсье, Жака Вебера и меня. Вебер к тому времени уже снимался, но для всех остальных этот фильм стал боевым крещением. После этого фильма я не переставал сниматься. Когда я пересматриваю свою фильмографию, мне порой кажется, что кино слишком баловало меня.

— Вы сразу же очертили для себя комическое амплу?

— Луи Сенье всячески меня к этому подталкивал, потому что во время учебы у меня в голове зрели совершенно нереальные планы. Я видел себя в роли Сиды, мечтал о ролях, которые играл Жан Габен. А работая с Сеньем, понял, что комические эффекты даются мне без труда.

— Помимо Буассе, еще один режиссер сильно повлиял на вашу судьбу: Клод Лелуш.

— Да. Лелуш удивительно честен с актерами. И еще — как только он замечает в актере какое-то интересное качество, обязательно найдет возможность раскрыть его перед камерой. Я снялся у него в восьми фильмах.

— Ваша замечательная сцена в "Робере и Робере" сегодня уже вошла в хрестоматию киномира.

— Да, мы с Шарлем Деннером здорово позабавились. Приятно сознавать, что у актеров иногда бывает право голоса.

— Вы помните вашу первую встречу с Луи де Фюнесом?

— О, еще бы! Это было в студии "Булонь", кото-

Экран и сцена